Р 2
Ч3

Эдуард Азыба

Любовь к самолету

ав.
Р2
Д13
4
240608
М

ЭДУАРД ДЗЫБА

ЛЮБОВЬ К САМОЛЕТУ

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
АБХАЗИИ им. И. Г. ПАПАСКИРА
Отдел национальной и краеведческой
литературы

Издательство «Алашара»
Сухуми — 1979

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
Министерства культуры
Абхазской АССР

Р2
Д43

Стихи Эдуарда Дзыба достаточно хорошо известны читателю по периодической печати и отдельным изданиям. Что привлекает в них? Прежде всего стремление высказаться по-своему, горячо и образно. Главная тема поэзии Э. Дзыба — наш современник, с его думами, мечтами, переживаниями. Его стихи — о земле родной, о дружбе, о любви и мужестве.

Д 47200-071
623(06)-79 79

© Издательство «Алашара», 1979

ВСТУПЛЕНИЕ

КОРОТКО О СЕБЕ

Босоногий растрепанный вечер
Снова гладит меня по челу...
Меня любят собаки и дети,
И не знаю я сам почему.
Я художник, бунтарь и безбожник,
Я такой, я сякой — не другой...
Но для всех бессапожных — сапожник,
Для раздетых — портной даровой.
А быть может, река я на свете,
Чтобы жаждущих всех напоить...
Меня любят собаки и дети,
И не знаю, за что им любить.
Выхожу поутру в путь-дорогу —
Мне дорога, как песня, под стать.
Надо радугу-недотрогу
Непременно сегодня достать.
Раздарить бы ее семицветье
Всем на свете на счастье и мир.
Меня любят собаки и дети,
И не знаю, за что я им мил...

СОБСТВЕННО ВСТУПЛЕНИЕ

Вот я вступаю,
Выхожу на сцену.
Я выступаю,
Выхожу на смену.

То эстафета;
Эстафета эта —
От кочегара
Прямо до поэта.
То голод слова —
Долго голодал я.
Но что тебе, поэзия,
Отдал я?
И слово надо мною
Восходило...
Светилось как светило.
Восхитило.
Я говорю:
Поэзия — магнезия.
Я говорю:
Поэза — из железа.
Житейские сопровожу
Болезни я.
Поэзия нужнее и полезнее
Сейчас. Как, впрочем,
И всегда...

* * *

Кочегарам — кочегарить,
Кашеварам — кашеварить.
У меня своя забота —
Плакать песнями охота.
Удивляться и смеяться
Этой жизни, как спросонок.
...Потому что мне семнадцать, —
Если даже будет сорок.

———

ЧЕЛОВЕК, ЗДРАВСТВУЙ!

У людей есть хороший обычай,
У людей есть хороший закон,
Когда они при встрече
Пожимают друг другу руки.
Я иду по весенней улице,
А навстречу идут прохожие,
Непохожие друг на друга.

Но какое мне дело до этого?
Нет, мне с каждым надобно встретиться,
Заглянуть в глаза любому
И узнать в человеке друга.
Разделить с ним печаль и радость.
И, пожав ему крепко руку,
Сказать тепло и просто:
— Человек, здравствуй!

ЛЮБОВЬ К САМОЛЕТУ

* *
*

Самолет рокочет, как ракета,
Курсом из заката на рассвет.
За окном — полотна Рокуэлла Кента —
Облака, а может, правда, снег.

И средь этой синеокой сини
Я внизу увидел землю-мать.
Что она подумала о сыне,
Из гнездовья жаждущих летать?

Мне всегда хватало вдоволь хлеба
И людской душевной доброты.
Может, просто не хватало неба,
А еще точнее, высоты?

Ты лети, стальная птица века —
Верная ровесница мечты.
Облако колышется, как ветка,
Осыпая снежные цветы...

Нежная, как слово алюминий,
Крохотная птаха в облаках,
Мы тебя за скорость полюбили,
И за то, что презираешь страх.

Ты лети, гори, как самородок,
Огибая солнца окаем.
Я влюбился в крылья самолета,
Я мечтою этой окрылен.

Если птице крылья — для полета,
Человеку крылья — для любви...
Я влюбился в песню самолета,
Матушка-земля, благослови!

* * *

Горячий снег, горящий лед
И опаленная зарница...
Домой не долетела птица —
В горах разбился самолет.

Нашли обломки пастухи,
И старший, повидавший много,
Вздохнул: «Быть может, за грехи,
Но почему же так жестоко?»

Летел домой один студент —
Легла дорога, как тревога.
Спешил в Москву корреспондент —
Скупые строки некролога.

Чужая, может быть, беда,
Невосполнимая утрата
Запала в душу навсегда —
Болит печально смертью брата.

И все покоя не дает
И по ночам тревожно снится.
В горах разбился самолет...
В гнездо не возвратилась птица...

* * *

Летим по кругу — ниже, ниже.
Земля родная — ближе, ближе.
Горят огни аэродрома
Огнями дорогого дома.

Пока, седлая высоту,
Кружили мы по белу свету,
Безумно я влюбился в «Ту»,
А может, в стюардессу эту.

Влюбился я в свою мечту,
Пока летал по белу свету.
И в неземную красоту,
И в высоту, и в землю эту.

И вот уже аэропорт.
И вот уже встречает кто-то.
По капелькам стекает пот
С уставших крыльев самолета.

И вот уже аэропорт.
Глазеют окна удивленно.
И я, спустившийся с высот,
Иду легко и окрыленно.

ЗВЕЗДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Ничем не удивишь в двадцатый век,
Но вот вчера я снова удивился:
На землю где-то выпал красный снег,
А в самолете человек родился.

Ну что мне до того, что красный снег?
Я удивлен другим, и вы поймете —
Родился человек,
Родился человек,
Родился человек в полете.

Ложился снег в ладони добрых крыш,
На площади, сады и огороды.
И спали Вена, Лондон и Париж,
А стюардесса принимала роды.

Ей помогала девушка одна,
И поэтесса с будущим хорошим,
И отставной гвардейский старшина,
И тип один с весьма туманным прошлым.

И в миг, когда раздался первый крик,
Торжественно, пронзительно и сильно,
Земля остановилась в этот миг
И оглянулась на родного сына.

Она все время, не смыкая век,
Следила сквозь туман за высотою.
И сын ее родился — человек!
Родился под счастливою звездою.

И будто бы яснее стала синь,
И ветры межпланетные запели.
Родился сын, земли счастливой сын!
Родился в самолете-колыбели!

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

У священного самого места,
Где могила безвестных солдат,
Молодые — жених и невеста,
Окрыленные, рядом стоят.

На камнях васильки засинели,
На холодной плите расцвели,
А над ними в тяжелой шинели,
Весь из бронзы, — спаситель земли.

Несгибаема воля солдата,
И мне кажется, будто бы он
Из кромешного дыма и ада
К одногодкам пришел на поклон.

У священного самого места,
Где могила безвестных солдат,
Молодые — жених и невеста,
Окрыленные, молча стоят.

Им неведомы тяжкие раны
И пожарищ обугленных дым...
Замедляют шаги ветераны,
Будто честь отдают молодым.

ВЕСНА

Да будут эти дни благословенны,
Когда перед рождением листочка
Все ветки разбухают точно вены
И, как в ладони, снова хлопнет почка.

И непременно удивится дочка,
Которой три весны всего от роду,
Рождению и празднику цветочка
И босиком пройдет по огороду.

Туда, где в фиолетовых лучах
Деревья держат солнце на плечах...

СЫНУ

Тебе, моряк, уже четвертый год —
Солидный парень возрастом и ростом!
Нарисовать ты просишь пароход.
Ну что же, мальчик, это очень просто.

Сначала берег мы изобразим,
Потом и море.
Видишь — это волны,
А это ветер — он неотразим,
А это чайки, вечно беспокойны...

Ну вот и все.
Теперь пора в поход.
Ты только жди — и, точно свет манящий,
Сейчас возникнет белый пароход,
Не нарисованный, а настоящий.

ДВОЕ

Живет на земле человек-чудак.
Он к морю приходит просто так.
И долго на берегу сидит
И молча на синеву глядит.
Он может петь,
Свободно дышать,
Свободно любить,
Как же ему счастливым не быть!
Вот он берет ракушку одну
И запускает ее ко дну.
Но и со дна
Светит она:
Искрятся крапинки-родинки,
И это — песчинки Родины...

И там, за морем, живет чудак.
Он к морю приходит просто так.
И долго на берегу сидит
И молча на синеву глядит.
И море похожее перед ним,
И небо такое же светит над ним.
И солнце тоже над нами одно.
Но разные берега все равно.
Глаза у него, как у меня.
Руки его, как у меня,
Волосы черные, как у меня.
Может, и имя носит мое.
Может, племени мы одного,
Знал ведь Родину его дед,
Но нет Родины у него,
Родины у него нет.

ПОЖАР

Летит над городом сирена,
На все антенны оседая.
И вздрагивает мать седая,
Кричит над городом сирена...

Нужна кому-то непременно
Моя безропотная помощь.
О, эта тяжкая измена,
Когда помочь ничем не можешь!

...Огонь заламывает руки
Над буйством копоти и чада.
И чье-то крохотное чадо,
Ребенок чей-то плачет в люльке..

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Памяти отца

Вьются строки, как кардиограмма, —
Нервно и неровно по письму.
Плачет мама, старенькая мама.
Сколько можно плакать — не пойму...

Пишет он, что жив, здоров и крепок.
Не дрожит ослабшая рука,
И ложится почерк, точно слепок
Дней его последних на века.

«Как в ауле, как работа в поле?
Как, Муса, готовитесь к весне?»
Сто вопросов скомкано до боли
В этом слишком маленьком письме.

Пишет он, что счастливы вы оба.
Хоть пришлось и многих схоронить.
Если жил бы старый друг Лакоба —
Было бы о чем поговорить...

Пишет он своей последней кровью.
Пишет не для красного словца.
С горской, неподкупною любовью
И с суровой краткостью свинца.

Жизненные, правильные строки.
Пусть дрожит ослабшая рука...
Надо мне, чтоб так же были стойки
Все слова последнего стиха.

РАБОТА

Вздыхает молот: трудно, тяжко,
От пота — черная рубашка.
И скалит зубы мастер Сашка:
— Ну как, по животу упряжка?

А я не подаю и виду —
Плевать хотел я на обиду!
И Сашка яростно кузнечит,
И Сашка пляшет, как кузнечик,
И, точно разноцветный кречет,
Во все концы огнями мечет...

А я стучу, стучу, стучу,
И, если только захочу,
То, может, гору сворочу!

Так до победного конца
Стирает Сашка пот с лица,
И вместо крепкого словца —
Пыхтит:
«Чертяга, весь в отца!»

НОГИ

ВЕЛОСИПЕД

И свершился этот важный миг!
В ореоле славы и побед
Офицер — безногий фронтовик —
Сыну покупал велосипед.

Он стоит, короткий и большой,
И руками на педали жмет.
А мальчонка рядышком, босой,
Неспокойно очереди ждет.

И сказал отец ему: «Лети,
За себя и за меня крути!
Мы в окопах презирали смерть,
Научились в пытках выживать,
Но трудней безногому хотеть
На педалях скорость выжимать...»

Он махнул досадливо рукой,
А ему хотелось мчаться вслед
Босиком,
по травам,
над рекой,
Догоняя тот велосипед.

Так запомнилось на много лет:
В золотой, оранжевой пыли
Голубой летит велосипед.
Больно ковыляют костыли.

ФУТБОЛ

У инвалидов привилегии:
Сквозь пеший столпленный народ
Они на собственных приехали
И разместились у ворот.

Футболки празднично белеют,
А рядом — несколько шагов —
Сидят безногие — болеют
За быстроногих игроков.

Они в машинах как в оковах;
Холодные протезы жмут...
Они в машинах как в окопах,
И кажется — сигнала ждут.

И вновь сигнальною ракетой
Летит в сквозное небо мяч!
...Не плачь, родимая, не плачь,
Из всяких бед и неудач
Лишь только стойкий выживает...

А футболистов награждают,
Оркестры праздничные бьют.
И... инвалиды побеждают,
Как в том решительном бою!

240608

ШАГИ

Ему все мерещится шорох шагов
В ту лунную ночь...
Два шага от смерти.
А он уже не шагнет вновь.
И другу шагом могилу не смерит.

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА Министерства культуры Абхазской АССР

Хлопнул тогда старшина по плечу:
«Что, струсил, сердце в пятки ушло?»
Теперь никто не скажет ему:
— Что, струсил, сердце в пятки ушло...
И только безногие сапоги
Все ждут в углу быстроногих дорог...
Заплаканный мост. Шаги да шаги.
На мокром асфальте — шагов откровенье.
И только в углу молчат сапоги,
Большие,
разбухшие как вены...

* * *

Пламенеет огонь листопада,
Полыхает до неба земля.
Мне сегодня со многими надо
Выходить на луга и поля.

Но увы! — не пахал я, не сеял,
И работой себя не морил.
И с тоской не глядел я на север,
И у неба дождя не молил.

Почему же тогда, отчего же
На деревья гляжу не дыша?
На крестьянскую стала похожа
Вдруг моя городская душа.

Ждет меня, точно сына, долина,
И трепещет, встречая, лоза.
И глядят на меня буйволино
Винограда хмельные глаза.

По тропинке осеннего сада
В незнакомое утро бегу.
Если спросят, чего тебе надо,
Вряд ли толком ответить смогу.

Я наивный простой человечек,
Что я в жизни умею, могу?
Не хватает то песен, то речек,
И за ними куда-то бегу.

Мне сегодня весны не хватает,
Необжитые тянут места.
Почему же весенняя тает
Лебединая песня-мечта?

Опустели осенние пляжи —
Так пустынно порой на душе...
Даже солнышко, солнышко даже
Растворяется в том мираже.

ЗООЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

«Посмотрите налево.., а теперь направо...»
Из монолога экскурсовода

Енот, горилла, какаду,
И ястреб, и медведь
Стоят, застывши на виду —
Не петь и не реветь.

Налево чучело змеи,
Направо — бегемот.
Они теперича свои,
Хоть суй им палец в рот.

А это лев, разинув зев,
На корточки присел.
Хозяин лев,
Красавец лев
Обмяк и облысел.

А это слон. Когда-то он
Был дюж и неуклюж.
Со всех сторон — аттракцион
Звериных бывших душ.

Не скуки ради,
Дорогой,
Науки ради
В лесу вершили зверобой
Большие дяди.

Зоологический музей
Стране известен всей.
Входи, любуйся, ротозей,
И на зверей глазей!

На бывших, так сказать, друзей!..

ПРО СЕБЯ, ПРО БЫВШЕГО ДРУГА И ПОДМЕТАЛЬЩИКА

Встретились мы с ним на Руставели,
Как-то неожиданно сошлись.
Ты ли, д'Артаньян, на самом деле?
Арамис! Неужто Арамис?

Вспомнили былые мушкетеры,
Как гоняли в коридоре мяч,
Как ругали школьные вахтеры,
Полотеры, даже добрый врач.

Мимо «хачапурной», мимо «хашной»
И «хинкальной» я спешил за ним —
«Если хочешь пообедать хошно,
Познакомлю с поваром одним».

Вот сидим в известном ресторане.
Он заказы отдает как князь.
Я спокоен — гонорар в кармане:
Перед другом не ударю в грязь!

Он доволен сам собой — мужчина!
Но с меня не сводит цепких глаз:
«Есть ли дача, модная ль машина?»
Я молчу, и взгляд его погас.

Достаю неторопливо пачку
Нашенских, сухумских сигарет.
Он, свою расхваливая дачу,
Закурил демонстративно «Кент».

«Да, браток, диплом сейчас не в моде,
И стишки, конечно, не товар.

В моде — что имеешь в огороде.
И на службе должен быть навар.

И потом, скажу тебе по чести, —
Подмигнул, — я, братец, не шутю —
И друзья и женщины на месте,
Если деньги. Если нет — тютю».

И довольный этим афоризмом,
Он за дружбу приподнял бокал,
Воодушевленный аферизмом, —
Только тут уж лопнул мой накал.

И тогда, поднявшись во весь рост,
Я ему, как шпагу, бросил тост:
«У тебя шикарная квартира,
Не квартира, а, точней, музей.
Но давно трясина захватила:
Ни жены, ни братьев, ни друзей».

Я смотрел в глаза ему, как в лужу.
Он сидел, салфетку теребя.
«Да, пожалуй, выпью я за дружбу,
Только, дорогой, — не за тебя!»

Есть у наших дорогое свойство:
Если друг — то дружба на года.
Мы всегда ценили хлебосольство,
Только хлебосвинство — никогда.

Приподнял бокал я и... поставил,
Бросил на тарелку четвертак.
И шикарный ресторан оставил:
«Допивай, дохлебывай, вот так!»

Я из зала, будто из подвала,
Вышел, и в глаза ударил свет.
Над Курою солнышко сияло,
И лучился солнечный проспект.

Яростно с пути сгребая мусор,
Подметальщик шел сквозь улиц шум.
И подумал я: еще возьмуся,
Я еще про это напишу!

В ГОСТЯХ

Я шел к тебе под солнцем мая,
Надежды старые храня.
А во дворе собака злая
С цепи кидалась на меня.

Она неистово бросалась,
Но, будоража все дворы,
Обученная, не кусалась,
А выжидала до поры.

Но, думал я, как методично
Она набросится — как смерть,
И цепь при этом мелодично
То звякать будет, то греметь.

Не в этом дело, но однако
Подумалось еще мне вдруг,
Что человеку та собака,
Пожалуй, далеко не друг.

И мне казалось: воют волки
В саду твоем со всех сторон.
А над рулем лазурной «Волги»
Качался лопоухий слон.

Он был из плюша, был из плеши,
Глазенки жиром затекло.
Он хоботом своим как в клещи
Ловил пчелу через стекло.

И дальше в том же распорядке, —
Ходи, любуйся до утра, —

Как грелки присосались грядки
На рыхлом животе двора.

Блестит стеклом оранжерея...
Устроился ты ловко, брат,
Преуспевая и жирея
И кое-где имея блат.

Бассейн для рыб, прохлада душа,
Беседка в лавровом саду.
Мне стало жарко, стало душно.
Я не стерплю, я не смогу.

Ты тащишь в дом, а я ни шагу...
Прости, приятель, мне пора.
Ты нашу буйную «общагу»
Сменил на плоскости ковра.

Ты ловко выкроил,
Ты выстроил...
Гром молотка несется вдаль,
Как будто выстрел, —
Будто выстрел,
Который убивает лань...

ПРО ЛОШАДЕЙ

Пусть меня простят за нетактичность,
Некоторых, так сказать, людей,
Утерявших собственную личность,
Я б легко сменял на лошадей.

Лошади — они не подводили,
Не щадили гривы и подков.
И в походы дальние ходили,
Выполняя волю седоков.

Если же, бывало, в поле ранен,
Умирал хозяин на глазах,
Выносила лошадь с поля брани
К месту, где горел родной очаг.

И недаром воспевалось все же
В песнях отшумевшей старины
То, что лошадь золота дороже,
Подороже и иной жены.

Ведь она была краса и гордость
Каждого в ауле молодца.
Лошадью определяли годность
И уменье всякого бойца.

Лошадьми мужчины дорожили.
Лошадей ценили, как людей.
И они им преданно служили —
Я люблю за это лошадей.

А еще за то, что непременно
Лошадей наивные глаза
Отражают не кнуты и сено,
А сквозные эти небеса.

Пусть простят меня, на нашей площади,
Символом геройства и добра,
Памятник бы я поставил лошади,
Думаю, давно уже пора.

* * *

О, это тяжкое табу
На кочевое беспокойство!
Луга поднялись высокосно,
А здесь в загоне весь табун.

Смирившись с участью такой,
Гнедые, пегие, седые
Преобразилися в святые
В петле арканової тугой.

Их, безыдейных лошадей,
Вогнали в тесные ворота.
А завтра предстоит работа
На умных, правильных людей.

И вдруг один скакун в упор,
Неважно там, какой он масти,
Как будто бы заправский мастер,
Перемахнул через забор...

И был таков. И что погоня!
В глазах простор и — ничего,
Куда там выхоленным коням
Нагнать свободного его!

В загоне лошади жуют
Скупые пайки комбикорма.
Невозмутимо и спокойно
В неволе лошади живут.
В загоне стало как закон
Ждать каждодневную подачку...

А где-то носится тот конь,
Свою преследуя удачу.

ИЗ КРЫМСКИХ ЭСКИЗОВ

* * *

Л. Л.

Ну что я увезу из Крыма?
Остатки древних крепостей —
Скупую тень хозяев Рима,
Других непрошеных гостей?

Ну что я увезу из Крыма?
Синь Айвазовского картин
Или мечту большую Грина
И песню алых бригантин?

Ну что я увезу из Крыма?
Холмов усталый караван,
Плывут они необозримо,
Как в мираже, через туман.

Но возникает из-под грима
Сырых туманов и дождей
Неповторимый облик Крыма,
Его богов, его вождей.

Точнее, гор и волн стихия,
Которые в моей судьбе.
Отсюда увезу стихи я
И, хочешь, подарю тебе?

ОДИН ДЕНЬ

А день был красный, желтый, синий,
Но, как всегда, самим собой...
Качались солнца апельсины
В корзине моря голубой.

А день был — весь твоя улыбка,
Глаза твои, слова твои —
Неотразимая улика
Моей непризнанной любви.

А день был мальчиком и вырос,
Почти до рыцаря дорос;
И из огня себя я вынес
И до тебя себя донес.

Но восходил над миром вечер,
И на холмы ложилась тень...
А день, казалось, будет вечен,
Но умирал, как лебедь, день...

И ОДНА НОЧЬ

А день, казалось, будет вечен...
Но опускался синий вечер,
И краски отступали прочь,
И буркой распахнулась ночь.

Вдали отроги Кара-Дага
Светились, будто бы бумага,
Резная, тонкая фольга,
И серебрились берега.

И ты тогда ко мне вошла,
Как солнце надо мной взошла,
Заворожила, овладела,
Произнесла: «Такое дело,

Не спится мне и все... Не спится...»
И села под окно, как птица,
Как птица робкая, дрожа.
И как виденье миража,

Возник на фоне окон профиль,
На фоне стекол и луны.
И понял я: мы влюблены,
И быть никто не может против.

И понял я: мы влюблены...
В свеченье моря и луны;
И ты с другого этажа
Пришла ко мне увидеть море.

Но как виденье миража,
Я знаю, ты исчезнешь скоро!

* * *

Ушла...
Печальный свет в окне
Дрожит и мечется, как птица.
А профиль твой мне будет сниться—
Он отпечатан на луне.

Ушла...
И снова тишина.
Луна одна,
Одна луна.
И я один...
И ты одна...

* * *

Ну что я увезу из Крыма?

* * *

Апрельский дождь, пропахший огурцами,
Сегодня я с тобою заодно
И с озорными птицами-скворцами,
Летящими в открытое окно.
Я выбегаю
Или вылетаю.
И с каплями я в землю ухожу.
И растворяюсь и как будто таю...
И сквозь асфальт травою восхожу.
В твоих строках запутался я будто,
Апрельский дождь, целующий зарю.
...Под куполом большого парашюта
Я над землею птицею парю.

РОДНИК

Есть Рухи, древняя деревня,
И крепость в этом самом Рухи,
А в стенах проросли деревья
И к небесам вздымают руки.
Там во дворе фонтан забытый,
Ему не взвиться молодцом,
Песком и травами забитый,
Как горло пленника свинцом...
Когда-то здесь гремела бойня
И тучи шли со всех сторон.
И до сих пор фонтану больно...
Я видел сам, как плачет он.

ДИОСКУРИЯ

(Город на дне)

Радости все и печали,
Загсы все и морги.
Синее небо над чайками.
Чайки над синим морем.
Ветер, целующий ветки,
Солнце, влюбленное в утро, —
Все здесь осталось навеки...
А там все серо и хмуро.
Там холодно все и немо
И каменным громадам
Так не хватает неба
И солнца немного надо.
Все схоронили волны;
Но сохранили волны
В шуме прибоя стоны
И Диоскурии слезы.
...А на земле, как прежде,
Вешние травы буйны.
Дождик стучит в скворешни,
Словно на праздник бубны.
И улетают птицы,
Ветер целуя в губы.
...И Диоскурия снится
Сыну ее — Сухуми.

БЕССОННИЦА

Снова мучает бессонница.
Сонный город опустел.
А луна опять бессовестно
Пробирается в постель.

И дрожа ложится рядом
И покорно льнет ко мне,
Будто ей большая радость
С грешным быть наедине.

Будто не она свидетель
Бесшабашных тех ночей,
За которые в ответе
Перед совестью своей.

Мне в ее объятьях жарко,
Мне никак невмоготу,
Мне луну немного жалко
За такую простоту.

Но на синем небосводе
Гаснет тихая звезда
И луна уже уходит —
Может, это навсегда.

А рассвет весенний, ранний
Всполыхнул свои огни... —
Чистота наивной лани,
Целомудрие луны.

ЦЫГАНЕ

(Эскиз)

На пляже пляшет цыганча,
И солнце в ритме моря пляшет.
А старая цыганка плачет,
С тоскою глядя на причал.

Идет цыган из кузни гордо
И, прикурив от солнца-горна,
Орет кому-то во все горло.

Там парус бьется, как палатка,
На фоне неба, как заплатка
На старой робе кузнеца.
Стирает цыган пот с лица.

А старая цыганка плачет,
А цыганча на пляже пляшет.
Пылает пляж горнилом жара,
И на песке земного шара
Слова нетвердые пока
Выводит детская рука...

ЗИМА

Вечерами сумрачно и немо.
Ни души,
Ни голоса,
Ни смеха.
Крона затерявшегося неба
Облетает лепестками снега.

Осыпает грустную усталость
Снег в ладони набережной стылой.
О таком же вечере мечталось,
Мне тогда, весной зеленокрылой...

Листопадом, белым листопадом,
Снегопадом город запорошен.
Этот вечер до того хороший...
Ты ведь рядом,
Ты ведь где-то рядом...

Ты ведь рядом... —
Только не со мной.

РЫБЫ

Из морской зеленой глыбы
Выброшены в пекло дня,
Пляшут рыбы, пляшут рыбы,
Как шаманы у огня.

Будто их нежданно в будни
Праздник радостный настиг.
И они как будто в бубны
Бьют хвостами о настил.

В небо каждая стремится,
Выбивается из сил.
Будто рыба — это птица,
Или небо — моря синь.

Кто придумал этот танец
Между небом и землей?
Сети тянут, сети тянут
Над морскою синевой.

Пляшут рыбы, рыбы пляшут,
Принимая смертный бой.
Или плачут, или прячут
В этом танце грусть и боль.

Им на свете —
только сети,
Пляска рыбья —
пляска смерти...

БЕРЕГ

Как чайки белые у мола,
Стоят на рейде корабли.
Не могут корабли без моря,
Они — простора короли.

И, протрубив сигнал разлуки,
Уходят, синеву змея.
Прощально тянет пирсов руки
Голубоглазая земля.

И небо — море...
Море — небо...
Да песня жаркая в груди.
Но берег справа,
Берег слева —
И неизбежно впереди.

Там
На ладони теплой пашни
Простая яблонька цветет.
Стоит себе, платочком машет.
Кого-то с моря, видно, ждет.

ВИЖУ СОЛНЦЕ

Вижу, меня не обманут глаза.
Это на самом деле —
На листьях не утренняя роса,
А солнечные капели.

Вижу: вдали облака горят,
Словно разломленный гранат.
А быстрый орел, зацепив крылом,
Вылил на землю радугу.

И горы охвачены огнем,
Смотрю я на них — радуюсь!
И ночь побеждая, солнце встает
И прямо в зенит метит.

Вижу,.
Наверно несчастен тот,
Кто этого не заметит!

СОЛНЦЕ СМЕЕТСЯ

Солнце смеется, поверьте мне,
Солнце смеется нашей весне!
Утром на листьях сверкают росинки—
Это солнечные улыбки...
Отражаются в море блики —
Это солнечные улыбки...
И хохочут, хохочут девчата —
Это солнце во всем виновато.
Посмотри, как ликует ветер, —
Черным тучам он не сдается.
Люди, пожалуйста, поверьте:
Солнце смеется!

АЗАР*

Памяти павших в Великой Отечественной войне

I

Все пули одинаковы на свете:
Что перед пулей скорбь или же боль?
Что перед нею старики и дети?
Кровавый пир для пули — смертный бой.
Я ненавижу равнодушье пуль!
Но пули тоже разные на свете.
И я за ту — вернувшую весну,
Я славлю пулю, что за жизнь в ответе,
Ту пулю, расстрелявшую войну!
Я славлю справедливость стойких пуль!
Возмездие святое наших пуль!
Но если через времени потоки,
Когда-нибудь в двухтысячном году,
Из ран земли достанете, потомки,
Свинца кусок, а рядышком — звезду,
То не гадайте их состав, а верьте,
Запомните на долгие года,
Что эта пуля сделана из смерти,
Из вечной жизни создана звезда.

II

Мне что-то ночами не спится,
Нет на сердце покоя:
Скажите, что значит «убийца»?
Что это такое?
Согласно познаниям века,
Во всех словарях говорится —
Тот, кто убил человека,
Это и есть убийца.
Но сын, отомстивший за отца, —
Тоже убийца?

* Гимн погибшим воинам.

Солдат, защищавший в бою меня, —
Тоже убийца?
Мой брат, не вернувшийся из огня, —
Тоже убийца?
Убийца ворвался нежданно в дом,
Как самый презренный вор!
Убийца ранил Волгу и Дон
И мой родной Кодор!
Убийца тот, кто, не дрогнув, стрелял
В моего земляка, дурипшца*!
Но убийца себя расстрелял:
Самоубийца — убийца!

III

Свинцовые тучи окутали звездное небо.
Гулко шли поезда, на полустанках гремя.
Шла война, а меня тогда не было.
Если был бы тогда,
Может, сегодня не стало б меня...
И от этого снег Эрцаху* не растает,
И от этого солнце не утеряет огня.
Только грустно и больно:
Как сегодня их не хватает!
Так во время войны не хватало на фронте меня...
Меньше в мире улыбок, меньше рук, меньше песен.
Но герои во мне, каждый миг, каждый день...
Я обязан за них быть сегодня задумчив и весел.
Долюбить и доделать
Столько ими не сделанных дел!

* Дурипш — село в Абхазии.
* Эрцаху — высочайшая вершина в Абхазии.

ПЕТЬ

Когда я сидел и писал — вчера
Негромкие строки эти,
Стрелой ко мне влетела пчела
С тугой тетивы ветки.

Бродила она по садам моих строк,
Слова целовала даром —
Я песни пока написать не смог,
Которой дышать нектаром.

Как ей захотелось опять к цветам!
Как стало в окно она биться!..
Тогда я впервые увидел, как там
Роса на деревья садится.

И я распахнул перед нею окно,
И сердце забилось четко.
— Не улетай, я с тобой заодно,
Я тоже с тобою, пчелка!

* * *

Бредет веселый караван
На поле сытное из хлева.
Земля — огромный каравай
Горячего ржаного хлеба.

И все слетается к нему —
Любые пташки
И букашки.
И счастлив я — не одному
Хватает праведной буханки.

Я пахарь сам.
Я пахарь-царь!
И плуг счастливо корку режет...
Земля — начало всех начал.
Ломоть дымится вкусно, свежий.

СМОГУ

Мне дали это небо
И солнце —
Просто так,
Но мне не надо хлеба,
Без пота и атак.

Я не хочу задаром
Смиренья грозных плах.
Я сам, одним ударом,
Врага развею в прах.

Придется — и по лужам,
Настанет — к небесам,
Но за меня не нужно,
Я сам, я сам, я сам.

Я сам,
Пускай не шибко,
Но сам,
Пока живой.
А если в чем ошибка —
Отвечу головой!

ВЕСНА В ЯНВАРЕ

Весна,
Мне кажется, весна!..
И солнце плещет,
Солнце блещет;
Снегов январских белизна
Планеты черноту залечит.

И станет легче.
Нужно так,
Чтоб было просто,
Было бело,
Чтоб синеве сдаваться смело
В весенней ярости атак...

Погода ясная весьма,
Покуда сердце солнцем бьется
Как хорошо, когда весна
Однажды в январе ворвется!

ЗЕЛЕНЧУК

Давайте называть его на «вы».
Он — старец, сединою убелен.
И от Камчатки до самой Москвы
К нему приходят люди на поклон.
Давайте называть его на «вы»,
Ведь расступились перед ним вершины.
Изгибы волн — наверное, морщины
На моложавом лике синевы.
Вы, Зеленчук, — красивая река,
И сказку тут не отличишь от были.
Но перед вами дрогнула рука
Врага... И трупы долго плыли.
Такое было... поросло быльем...
Сегодня над рекою ветер звонкий.
И женщина спускается с бельем
И будет полоскать она пеленки.
Но будем называть его на «вы».
Об этом напевают даже листья,
Хоть от Камчатки до самой Москвы
С ним многие на «ты» уже сошлися.
Он молодой — он старый, Зеленчук.
Он мудростью — он молодостью правит.
И непонятно, прадед или друг.
Наверно, друг...
А может быть, и прадед...

* * *

Снова скучно и серо.
Гора облысела...
Так хочется снега!
Кто-то вышел из погреба —
Пьяный след
Его ног...
О, как нужен снег,
Чтобы помог
Скрыть наготу акаций!
Откровенней признаться, —
Нужна доброта,
Простота,
Чистота снега.
И немного его тишины, —
Чтобы эха твоего смеха
Хватило б до самой весны.

СВАДЬБА ОТЦА

(По мотивам абхазской сказки)

Мой отец — молодец,
Только долго был вдовец.
В девяносто лет жениться
Он надумал наконец.

Запрягаю я гусей —
Сообщать округе всей.
Пусть на свадьбу соберется
Нынче множество друзей!

Молодых отец годов
Свадьбу праздновать готов, —
Лишь отборной кукурузы
Сорок у него пудов.

Самый лучший возчик — гусь.
На него верхом сажусь:
Я на мельницу, я мигом,
Поработаю — вернусь.

Дело делает вода
Без особого труда.
Только кто бы мог подумать,
Что случится тут беда?

Через лес пробрался волк,
Разодрал у гуся бок.
Я набрал побольше веток,
Залатал дыру как мог.

Снова еду без дорог —
Надо быть на месте в срок.
Ну и свадьбу закатили,
Каждый выпил целый рог!

Хватит всем всего сполна,
Но отец ворчит спьяна,
Кажется ему — не хватит
Вдоволь каждому вина.

Тут в сарайчике для коз
Отыскал я двух стрекоз.
За вином на них смотался —
Разве может быть вопрос?

Вот и сказочка вам вся
Про стрекоз и про гуся,
А еще добавить надо
Про хмельного карася.

Про какого карася?
Помнишь, ела свадьба вся?
Мы его в вине поймали,
Бочки полные везя.

Но я не ел, и ты не ел,
Отец на свадьбе не сидел,
Даже матушка не ела.
Но кому какое дело?

ЧАСЫ И ВРЕМЯ

Часы прославиться решили
И время обогнать спешили.
Но только от такого спеха
Ни капли не было успеха.
Часы медлительнее стали —
Совсем от времени отстали.
«Не угодишь», — часы сказали,
Остановилися назло...
Часы стояли —
Время шло.

СПИЧКА

Одна коротенькая вспышка,
И навсегда сгорела спичка.
Ушла так рано, но недаром —
Костер в полнеба пышет жаром!

РЕКА

Я глубока,
Я широка, —
Кичилась гордая река.
Река,
Бесспорно, велика,
Но воду пьют из родника.

ЛЮСТРА

Горела люстра ярко-ярко,
Красиво,
Броско, но... не жарко.

КАПЛЯ

Упала капля с синей ветки,
Поцеловала добрый снег
И растворилася навеки,
Оставив теплый, теплый след.

* * *

Дверь скрипела,
Скрипка пела.
Вот такое, братец, дело.
Тот скрипит,
Другой поет.
Кто летит, —
А кто ползет.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление
- Коротко о себе . . . 3
- Собственно вступление . . . 3
- «Кочегарам — кочегарить...» . . . 4

Человек, здравствуй! . . . 5

Любовь к самолету
- «Самолет рокочет, как ракета...» . . . 6
- «Горячий снег, горящий лед...» . . . 7
- «Летим по кругу — ниже, ниже...» . . . 7
- Звездный человек . . . 8

Вечный огонь . . . 10
Весна . . . 10
Сыну . . . 11
Двое . . . 12
Пожар . . . 13
Неотправленное письмо . . . 14
Работа . . . 15

Ноги
- Велосипед . . . 16
- Футбол . . . 17
- Шаги . . . 17

«Пламенеет огонь листопада...» . . . 19
Зоологический музей . . . 20
Про себя, про бывшего друга и подметальщика . . . 21
В гостях . . . 23
Про лошадей . . . 25
«О, это тяжкое табу...» . . . 26

Из крымских эскизов
- «Ну что я увезу из Крыма?..» . . . 27
- Один день . . . 28
- И одна ночь . . . 28
- «Ушла...» . . . 29

«Апрельский дождь, пропахший огурцами...» . . . 30
Родник . . . 30
Диоскурия (Город на дне) . . . 31
Бессонница . . . 32
Цыгане (*Эскиз*) . . . 33
Зима . . . 34
Рыбы . . . 35
Берег . . . 36
Вижу солнце . . . 36
Солнце смеется . . . 37
Азар . . . 38
Петь . . . 40
«Бредет веселый караван...» . . . 41
Смогу . . . 42
Весна в январе . . . 43
Зеленчук . . . 44
«Снова скучно и серо...» . . . 45
Свадьба отца *(По мотивам абхазской сказки)* . . . 46
Часы и время . . . 48
Спичка . . . 48
Река . . . 48
Люстра . . . 49
Капля . . . 49
«Дверь скрипела...» . . . 49

Едуард Асхад-иҧа Зыба
АҲАИРПЛАН АБЗИАБАРА
Ажәеинраалакуа
Урысшәала

●

ედუარდ ასხადის ძე ძიბა
თვითმფრინავის სიყვარული
ლექსები
რუსულ ენაზ

●

Эдуард Асхадович Дзыба
ЛЮБОВЬ К САМОЛЕТУ
Стихи

ИБ235

Редактор *Н. В. Правденко*
Художник *А. Шанава*
Художественный редактор *П. Г. Цквитария*
Технический редактор *С. А. Гордезиани*
Корректоры: *Ж. И. Гублиа, А. А. Мхитарян*
Выпускающий *Т. С. Ашхараа*

ЭИ00830. Сдан в произв. 16.IV.1979 г. Подп. к печ. 29.V.1979 г. Типогр. бум. № 1, ф. 70x90¹/₃₂. Усл. печ. л. 1,91. Уч.-изд. л. 1,82. Зак. № 3904. Тир. 1000 экз. Цена 20 к.

Издательство „Алашара", Сухуми, ул. Ленина, 9.

Сухумская типография № 7 им. Ленина Государственного комитета Совета Министров Грузинской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Сухуми, ул. Ленина, 6

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

Сух. тип. № 7. 10296 — 10.000.000.

20 коп.